

УДК 821.111-93
ББК 84(4Вел)-44
Э20

Christopher Edge
TWELVE MINUTES TO MIDNIGHT

Text © Christopher Edge, 2012

Cover Illustrations © Eric Orchard, 2012

This translation of Twelve Minutes to Midnight is published
by arrangement with Nosy Crow ® Limited.

Эдж, Кристофер.

Э20 Загадки Пенелопы Тредуэлл. Двенадцать минут до полуночи / Кристофер Эдж ; [перевод с английского А. Б. Васильевой]. — Москва : Эксмо, 2020. — 320 с.

ISBN 978-5-04-100813-0

Лондон 1899 года. Весь город охвачен литературной лихорадкой. Некто по имени Монтгомери Флинч издаёт в журнале «Грошковые ужасы» феноменальные детективные истории! Но никто и не догадывается, что за маской маститого писателя скрывается тринадцатилетняя девочка! Пенелопа тщательно оберегает свою тайну, но однажды на имя Флинча приходит письмо, которое ставит мистификацию под угрозу. Врач Бетлемской больницы умоляет знаменитого писателя прийти на помощь. Нечто совершенно небывалое происходит с его пациентами. Можно подумать, что это происки самого дьявола. И происходят эти чудеса ровно в двенадцать минут до полуночи. Пенелопа понимает: она ни за что не пропустит эту загадку! А значит, мистеру Флинчу пора выйти в свет...

Первая книга серии.

УДК 821.111-93
ББК 84(4Вел)-44

© Васильева А.Б., перевод на русский язык, 2020

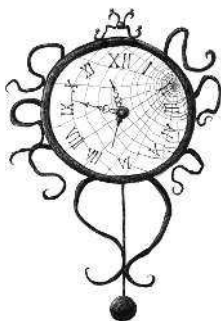
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-100813-0

Для Кристи, Алекса и Джози

I

Вглядываясь в чёрный провал зрительного зала, Монтгомери Флинч с такой силой впился пальцами в края высокой кафедры, что даже костяшки побелели. Его тёмные глаза, поблёскивающие из-под выгнутой дугой кустистых бровей, по очереди пронзали каждое обращённое к нему лицо. Над сценой повисла зачарованная тишина, словно весь театр разом затаил дыхание, с трепетом ожидая развязки леденящей душу истории. И когда Флинч наконец заговорил, возбуждённый шепоток выдал всеобщее напряжение.

— А когда он повернулся и взглянул в зеркало, то вместо собственного дрожащего але-

бастрово-белого лица увидел в лунном свете совсем другое отражение. Из зеркала на него смотрел доктор Кэмерон — тот, кого он убил семь лет назад.

По зрительским рядам пробежал потрясённый сдавленный вздох, и тусклые огоньки газовых рожков на стенах зала слабо мигнули.

Лицо Флинча исказилось гротескной гримасой, низкий гортанный хрип эхом прокатился по тёмному залу.

— «Я вернулся», — прокаркало зеркало, и узловатые пальцы Кэмерона потянулись к нему сквозь стекло. В ужасе отпрянув, несчастный попятился, столкнув со стола лампу, и непроницаемая темнота скрыла жестокую схватку двух отчаянно сцепившихся чёрных фигур, из которых вскоре на ногах осталась лишь одна.

Монтгомери Флинч умолк, оторвав взгляд от последней страницы лежащей на кафедре рукописи, и исподлобья оглядел оцепеневший от ужаса зал. В дальних рядах партера кто-то приглушённо всхлипнул. Когда Флинч снова начал читать, его голос слегка дрожал, будто не в силах скрыть ужаса перед тем, что открывалось ему с исписанных страниц:

— Протянувшаяся из темноты бледная иссохшая рука подняла упавшую лампу, и её тём-

плый свет озарил комнату. Сгорбленная фигура доктора Кэмерона шагнула к зеркалу в резной раме. Его пленённый за гладким стеклом убийца стискивал руки в отчаянной мольбе. «Прости меня! — кричал он, но его слова бестелесными призраками едва доносились из-за стекла. — Пожалуйста, умоляю тебя...» С довольным смешком, похожим на змеиное шипение, доктор Кэмерон поднял свою тяжёлую трость с массивным медным набалдашником, размахнулся и с неожиданной для столь немощного тела силой обрушил её на хрупкое стекло. — Флинч грохнул ладонью по крышке кафедры. — Зеркало разлетелось вдребезги, и на мгновение в каждом его осколке мелькнуло многократно отражённое лицо последнего графа Помроя, искажённое мучительным нескончаемым криком. Месть за его злодеяния наконец свершилась.

Три молодые дамы в переднем ряду упали в обморок, и их супруги принялись лихорадочно перетряхивать доселе неизведанные глубины их расшитых бисером сумочек в поисках нюхательных солей, чтобы привести бедняжек в чувство. В задних рядах пожилой господин в тёмно-синем сюртуке в приступе паники судорожно хватался за грудь и втягивал воздух с таким одышливым свистом, что тряслись его сизые от неумеренных

возлияний брыластые щёки. Но весь остальной зал в едином порыве вскочил на ноги, громовыми аплодисментами приветствуя скромно раскланивающегося Монтгомери Флинча.

Успех был поистине оглушительный. Столь редкое появление на публике знаменитого Мастера Ужасов, известного своим затворническим нравом, и эффектно поданные выдержки из его последнего рассказа, безусловно, сделали своё дело: завтра же длинные очереди из нетерпеливых читателей должны выстроиться к каждой книжной лавке, где будут продавать свежий номер «Грошовых ужасов». А ведь подумать только — всего год назад имя Монтгомери Флинча никому ничего не говорило, а «Грошовые ужасы» был всего лишь третьеразрядным журнальчиком, до которого снисходили от силы несколько десятков заядлых любителей такого рода писанины. Теперь же, благодаря появлениям на его страницах творений Монтгомери Флинча, тиражи выросли до полумиллиона экземпляров в месяц, и разлетались они с прилавков в считанные дни. На исходе девятнадцатого века имя этого человека внезапно засияло звёздным светом, едва ли не затмевая имена Диккенса, Киплинга и Дойла — настолько потряс литературный мир его стремительный взлёт к невиданной славе.

Пока Монтгомери Флинч стоял в луче прожектора, упиваясь восторгами публики, но не забывая скромно вскидывать руку, как бы отказываясь принимать их, из-за сборчатой кулисы тяжёлого малинового бархата высунулась и нервно огляделась тощая носатая физиономия администратора театра. Семенящей походкой он выбежал на сцену и встал рядом с автором в свете всё ярче разгорающихся светильников. Овация всё бушевала. Администратор в чёрном фраке подобострастно поклонился Флинчу и, повернувшись к залу, поднял руки, призывая публику к тишине.

Аплодисменты неохотно увяли до нескольких одиноких хлопков и смолкли. Зрители вновь расселись по своим местам, дав администратору заговорить.

— Позвольте мне от лица театра «Лицеум» ещё раз сердечно поблагодарить великого Монтгомери Флинча за то, что он наконец нарушил своё молчание и поделился с нами этим исключительным спектаклем, впервые представив свой новый рождественский рассказ ужасов, — залезил он. — Завтра он выйдет в декабрьском выпуске «Грошовых ужасов», приобрести который можно будет во всех достойных книжных магазинах.

Очередной всплеск аплодисментов затопил зал: публика неистово благодарила автора единственным доступным ей способом.

Порывшись в кармане, администратор извлёк из него часы и, нервно теребя пальцами другой руки серебряную цепочку, взглянул на циферблат.

— И поскольку спектакль завершился чуть раньше времени, — продолжал он, облизывая пересохшие губы, — я бы хотел дать возможность нашим зрителям задать мистеру Флинчу любые вопросы. Не сомневаюсь, мистеру Флинчу будет приятно воспользоваться этим случаем, чтобы напрямую пообщаться с самыми преданными поклонниками его неповторимого таланта.

Импресарио снова поклонился Монтгомери Флинчу, лицо которого перекошилось от страха. Флинч отпрянул от кафедры, вперив в администратора испуганный взгляд:

— Э-э, не думаю, что смогу...

Но в зале уже взметнулся целый лес нетерпеливых рук. Вопросы сыпались один за другим, зрители возбуждённо перекрикивали друг друга:

— Мистер Флинч! Почему ваши истории всегда такие жуткие?

— Где вы черпаете идеи для своих рассказов?

— Эй, Монти! А про что у тебя будет в следующий раз?

— Дамы и господа, — суетливо размахивая руками, повысил голос администратор, чтобы перекричать поднявшийся гвалт. — Прошу вас, не все сразу! Задавайте вопросы по очереди!

Из середины первого ряда, перекрывая шум зала, раздался звучный, как колокол, мужской голос:

— В чём ваш секрет, Флинч?

Притихшие зрители все как один резко повернули головы, стараясь разглядеть говорившего. Как оказалось, голос принадлежал высокому худощавому мужчине в тёмном костюме в тонкую полоску. Он весь подался вперёд, подставив свету рампы узкое, чуть рябоватое лицо с тонкими, тщательно подстриженными усиками. Можно было предположить, что он носит эти усики для того, чтобы выглядеть старше — вопреки своему определённо молодому возрасту. Ожидая ответа Монтгомери Флинча, в одной руке он держал открытый блокнот, в другой — нацеленное на его страницу перо.

Сгорбив широкие плечи, писатель напряжённо схватился за края кафедры.

— Ч-ч-что вы имеете в виду? — заикаясь, выговаривал он. Яркий свет на сцене ещё сильнее выбелил его внезапно побледневшее лицо. Капелька пота скатилась по его лбу и повисла на кончи-

ке весьма длинного носа, прежде чем бесшумно упасть на разложенную на кафедре рукопись.

— Вы, несомненно, самый известный писатель в Британии, однако никто ничего о вас не знает, — продолжал молодой журналист, и его слова эхом разносились по поглощённому вниманием залу. — Многие другие авторы годами прозябают в тени, а вы вдруг засияли в одночасье, как яркая звезда на литературном небосклоне. — Его глаза лукаво блеснули. — Вот я и спрашиваю вас ещё раз, Флинч: в чём ваш секрет?

— Никакого секрета нет, — не без самодовольства отмахнулся от вопроса Флинч. — Полагаю, мне просто повезло...

Журналист нахмурился и хотел сказать что-то ещё, но не успел он открыть рот, как в зале неожиданно раздался пронзительный выкрик:

— Это неправда!

Глаза всех зрителей обратились к дальнему краю переднего ряда партера, на девушку в изящно скроенном красном платье, которая, резко вскочив на ноги, вытянула руку и показывала пальцем на сцену. Её забранные назад длинные тёмные волосы открывали бледное лицо и очень красивые, но сейчас горящие негодованием зелёные глаза.

— Я прочла все ваши произведения, мистер Флинч, все до единого, — заговорила она снова. — И смею утверждать, что ваше имя прославилось отнюдь не благодаря какой-то удаче, а благодаря вашему выдающемуся, ослепительному таланту. Кто ещё сумел бы воплотить в слова столь кошмарные видения, от которых кровь стынет в жилах? Или придумать столь захватывающие сюжеты и столь яркие персонажи? Нам вовсе не нужно знать ваши секреты — позвольте лишь поблагодарить вас за то, что вы соглашаетесь делиться с нами вашими поразительными историями.

Освещённое ярким светом лицо Монтгомери Флинча порозовело от несказанного облегчения. Он достал из кармана платок и промокнул блестящий от испарины лоб, а зал снова разразился аплодисментами, полностью соглашаясь со словами девушки. Журналист в переднем ряду всё ещё порывался что-то сказать, но его никто не слышал. Вытянув шею, он поглядел на девушку и, кажется, узнал её, но голос его безнадежно потонул в буре оваций.

— Благодарю вас за эти любезные слова, — ответил наконец Флинч, когда аплодисменты постепенно утихли. — А сейчас мне действительно пора попрощаться с вами и пожелать вам всем